УДК 099.3 + 94(47)

Е. З. Панченко

Конволют изданий Московского университета с автографом И. И. Шувалова

В библиотеке С.-Петербургского института истории (отдел БАН) хранится скромный конволют[1] в бумажной обложке восемнадцатого века, состоящий из двух напечатанных в Университетской типографии, у Ридигера и Клаудия, речей профессоров Московского университета — медика Федора Политковского «Слово о связи истории натуральной с физикою, химиею и врачебным искусством» и правоведа Теодора Баузе «Oratio de Russia ante hoc saeculum non prorsus inculta, nec parum adeo de litteris earumque studiis merita»[2]. Обе речи были произнесены в торжественном собрании университета 30 июня 1796 г. по случаю годовщины дня восшествия на престол Екатерины II (последней при ее жизни).

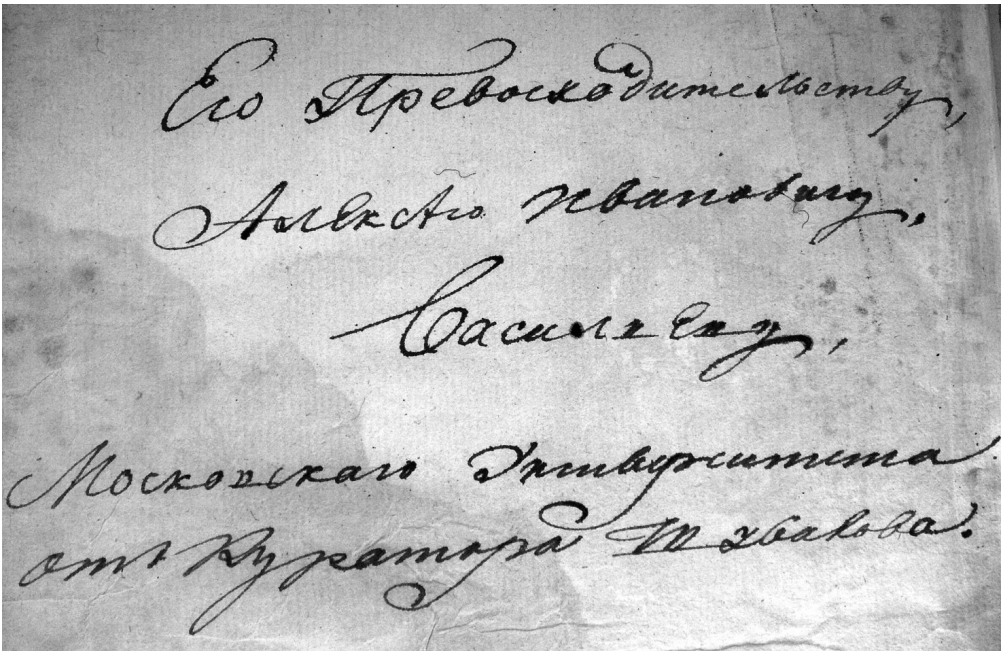
Эти издания не являются редкостью. Экземпляры «Слова» Политковского и «Oratio» Баузе имеются в главных библиотеках России; в фонде отдела редкой книги БАН насчитывается целых пять экземпляров «Oratio». Речи, произнесенные в один день, вероятно, печатались практически одновременно, что отражено в почти идентичном оформлении обоих изданий: мы видим сходным образом набранные титульные листы и текст, тот же рисунок рамок, заставок. В нашем экземпляре речи напечатаны на одной и той же голубой бумаге

[1] Шифр библиотеки СПб ИИ XI 4558.

[2] «Речь о России, которая до сего времени не была вовсе нецивилизованной и имела немалые заслуги в области словесности и заботе о ней». Описание изданий см.: *Мельникова Н. Н.* Издания, напечатанные в типографии Московского университета. XVIII век. М., 1966. С. 351 (№ 2378), 354 (№ 2399); Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1964. Т. 2. С. 442 (№ 5469); Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. 1701–1800. Л., 1984. Т. 1. С. 87 (№ 270).

(часть тиража речи Баузе вышла на другой — белой). Тем не менее перед нами не сборник, а два разных издания. В собрании БАН нет ни одного экземпляра двух речей под одной обложкой.

Надо отметить, что при составлении сводных каталогов русской книги XVIII в. собрание библиотеки СПб ИИ учитывалось, но только в тех случаях, когда в основном фонде БАН не оказывалось искомого издания[3]. Поскольку «Слово» Политковского наличествует в БАН, вопрос о выявлении его в отделе при СПб ИИ не ставился. Таким образом оказался неучтенным уникальный экземпляр, интересный с двух точек зрения: во-первых, это конволют, и во-вторых, что главное, он отмечен автографом основателя университета И. И. Шувалова.

На обороте обложки конволюта читаем сделанную размашистым почерком надпись: «Его Превосходительству Алексею Ивановичу Васильеву, Московского Университета от куратора Шувалова». Сличение почерка надписи с почерком писем И. И. Шувалова, хранящихся в Архиве СПб ИИ, подтверждает подлинность его руки[4]. Адресатом, по всей видимости, является граф Алексей Иванович Васильев (1743–1807), впоследствии первый в России министр финансов, в то время занимавший пост директора Медицинской коллегии. В тексте надписи ничто не противоречит этой версии: в ней отсутствует титул,

[3] Эти экземпляры отмечены в указателе знаком БАН**.

[4] Архив СПб ИИ. Рус. секция. Ф. 36. Оп. 1. № 1146.

но А. И. Васильев стал графом только в 1801 г., а до того бароном в 1797 г.[5]; до декабря 1797 г. он имел чин тайного советника, которому соответствовало обращение «ваше превосходительство»[6]. Правда, никаких свидетельств о взаимоотношениях между И. И. Шуваловым и А. И. Васильевым обнаружить не удалось, но официальная формула обращения и не подразумевает близкого знакомства. Наконец, основной аргумент в пользу того, что книга была адресована именно главе Медицинской коллегии, — это содержание первой из двух речей: «Слова о связи истории натуральной с физикою, химиею и врачебным искусством», произнесенной медиком Ф. Политковским.

Федор Герасимович Политковский (1756–1809), выпускник Московского университета, после усовершенствования своих знаний в Лейдене и Париже вернулся в Москву и занял в университете место профессора натуральной истории и практической медицины и одновременно был одним из знаменитых московских врачей-практиков[7]. «Рассматривая Политковского как профессора, врача и отца семейства, нельзя не признать его мужем, достойным почтения и любви: вся жизнь его посвящена была важным и многотрудным занятиям... [Со свойствами], важными для врача, соединял он качества, драгоценные для человечества... часто из чертогов богача переходил он в хижину убогого; что там получал за труды свои, то здесь разделял... С угрюмою наружностию и некоторою особенностию в поступках и словах соединял он доброту и чувствительность сердца, твердость и искренность характера...»[8] Доктор Политковский был автором нескольких медицинских сочинений, изданных по-русски и на латыни, а также переводов иностранных медицинских трудов. Университетская речь Политковского от 30 июня 1796 г. на современный взгляд — скорее риторическое упражнение на тему истории естественнонаучных знаний, чем научный доклад. Однако утверждение неразрывной связи медицины с другими естественнонаучными дисциплинами в то время еще не стало банальностью: российские студенты-медики стали изучать физику только когда Медицинскую коллегию возглавил А. И. Васильев.

[5] См.: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи: Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917: библиогр. справ. 2-е изд. СПб., 2002. С. 127–128.

[6] См.: *Шепелев Л.* Титулы, мундиры и ордена Российской империи. М., 2004. С. 409–410.

[7] О Ф. Г. Политковском см.: *Петров Н.* Речь при погребении статского советника, доктора, профессора медицины и кавалера ордена Святой Анны Федора Герасимовича Политковского. М., 1814; Речи, произнесенные в торжественных собраниях имп. Московского университета русскими профессорами оного с краткими их жизнеописаниями. М., 1820. Т. 2. С. 248–254; Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета за истекающее столетие... М., 1855. Ч. 2. С. 280–287. И. М. Долгоруков, у которого Ф. Г. Политковский был семейным врачом, отзывается о нем с большой теплотой в «Капище моего сердца» (*Долгоруков И. М.* Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М., 1997. С. 168) и более сдержанно на страницах «Повести о рождении моем...» (*Долгоруков И. М.* Повесть о рождении моем... СПб., 2004. Т. 1. С. 188–189 и др.).

[8] Речи, произнесенные в торжественных собраниях... Т. 2. С. 252, 254.

Алексей Иванович Васильев внес большой вклад в дело организации отечественной медицины и медицинского образования. Опытный финансист, он начал с ликвидации огромных долгов Медицинской коллегии. Среди его заслуг на протяжении десяти лет управления медициной России учреждение врачебных управ в губерниях, налаживание производства и продажи хирургических инструментов и аптекарских материалов, основание медико-хирургических академий в С.-Петербурге (ныне Военно-медицинская академия) и Москве, организация минерального, физического и химического кабинетов, переустройство ботанического сада, расширение академической библиотеки; в учебном курсе студентов-медиков при нем были введены физика, математика, фармация и практическая клиника для внутренних и наружных болезней[9]. В общем, как писали о нем, он «почти пересоздал всю врачебную часть в России и утвердил ее на прочном основании...»[10]. С лучшей стороны он проявил себя впоследствии и на посту министра финансов, который занимал с 1802 г. до своей смерти в 1807 г., доказательством чего служит то, что «с 1805 до половины 1807 года война с Францией, требовавшая чрезвычайно значительных издержек, нисколько не изменила финансовой системы России: налоги и подати не были увеличены, цены на соль и вино не повышены и денежный курс почти не изменился»[11]. Полузабытый впоследствии, несмотря на громкое звание первого российского министра финансов, граф Васильев, если верить автору сборника «Пантеон знаменитых современников последнего столетия», имел не только выдающиеся деловые, но и редкие человеческие качества. Среди жизнеописаний двенадцати государственных деятелей и военачальников всего мира находим биографию графа Васильева — одного из трех выдающихся русских наряду с Александром I и Кутузовым. «Он знал почти всех чиновников, служивших под его начальством... был чрезвычайно ласков и снисходителен в обращении с подчиненными; даже самые выговоры, вынуждаемые необходимостью, умел смягчать тонкою разборчивостью в выражениях...»[12] Почти так же восторженно отзывается об А. И. Васильеве служивший под его началом

[9] См.: *Свиньин П.* История Императорской Медико-Хирургической Академии // Отечественные записки. 1821. Ч. 8. № 18. С. 73; *Политковский Н.Р.* Биография [графа А. И. Васильева] // Сын отечества. 1827. Ч. 115. С. 152–169 (автор — однофамилец врача Ф. Г. Политковского); *Веймар Ф.И.* Граф Алексей Иванович Васильев // Пантеон знаменитых современников последнего столетия... 2-е изд. [без имени авт.]. СПб., 1843. С. 59–61. Высокую оценку деятельности А. И. Васильева как директора Медицинской коллегии дают и наши современники: см.: *Мирский М.Б.* Медицина России XVI–XIX веков. М., 1996. С. 137–139; *Селиванов В.И.* Васильев Алексей Иванович // Три века Санкт-Петербурга: энцикл. в 3 т. Т. 1: Осьмнадцатое столетие, кн.1. СПб., 2001. С. 162–163.

[10] *Веймар Ф.И.* Указ. соч. С. 60.

[11] Там же. Оценки деятельности А. И. Васильева на посту министра финансов неоднозначны. В 2012 г. в честь 270-летия со дня его рождения Банком России выпущена памятная серебряная монета из серии «Выдающиеся личности России» номиналом 2 рубля.

[12] *Веймар Ф.И.* Указ. соч. С. 61 (в изд. ошиб.: С. 55).

И. А. Долгоруков: «Он соединял в себе все качества государственного человека и готовился быть сам со временем стропилом политического здания... Он одарен был памятью превосходной, неутомим в трудах, быстр в постижении предметов его звания, усерден и точен в исполнении, в обхождении приветлив, скромен, тих, сердца мягкого...»[13]; «Он приобрел славу искуснейшего министра финансов Российской державы и в прямом смысле был государственный человек... Муж опытный, сведущий в своем деле и самых кротких свойств... навык к делам и познание Отечества необыкновенные... Достигши сана и почестей вельможи у трона Павла I... он никогда не воздымался тщеславной гордостью, был ласков, приветлив, благоприступен всем, и современники его погрешат, если многие из них забудут личные им от него одолжения, а все вообще знаменитые его заслуги государству»[14].

Речь Ф. Политковского должна была понравиться А. И. Васильеву. И. И. Шувалов, очевидно, желал продемонстрировать, что изучение медицины в Московском университете зиждется на принципах, которые утверждал в своей деятельности директор Медицинской коллегии; само имя Политковского, выпускника университета, профессора и знаменитого врача, также свидетельствовало об успехах медицинского образования. Подпись И. И. Шувалова «от Московского Университета куратора» подчеркивает, что речи произносились и издание печаталось именно в учрежденном и руководимым им учебном заведении.

Подарена, однако, была не одна речь Ф. Политковского, а конволют. Вряд ли И. И. Шувалов имел в виду знакомить директора Медицинской коллегии с речью Т. Баузе, посвященной российской словесности. Вероятно, сам Шувалов получил обе речи из типографии Московского университета сплетенными вместе. По иронии, более заметный след в истории оставила как раз речь Т. Баузе, идеи которой были настолько востребованы современниками, что она послужила материалом для двух отмеченных в истории отечественной журналистики плагиатов.

Теодор, по-русски Федор Григорьевич, Баузе (1752–1812)[15] родился в Саксонии, учился в Лейпциге, но большая часть его жизни связана с Россией: преподаватель петербургской Петришуле получил приглашение на кафедру юриспруденции Московского университета, где читал лекции 25 лет и считался одним из лучших профессоров, «обладавшим даром слова и широтою взгляда на свой предмет»[16]. Немец Баузе был одним из первых знатоков и собирателей русской старины; к несчастью, большая часть его богатой коллек-

[13] *Долгоруков И. М.* Повесть о рождении моем... Т. 1. С. 261.

[14] *Долгоруков И. М.* Капище моего сердца... С. 35–36. Правда, автор отмечает у своего героя «неповадливый» ум (Повесть о рождении моем... Т. 1. С. 261) и отсутствие «гения превосходного» (Капище моего сердца... С. 36).

[15] О Т. Баузе см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета за истекающее столетие... М., 1855. Ч. 1. С. 68–89; Русский биографический словарь. СПб., 1900. Т. 2. С. 594–595.

[16] Русский биографический словарь. Т. 2. С. 594.

ции древнерусских рукописей[17] и монет погибла в московском пожаре 1812 г. Собственная коллекция автора послужила основой для «Oratio de Russia ante hoc saeculum...». Это был настоящий научный доклад (а в напечатанном виде — статья с развернутым аппаратом). Главный интерес в речи представляла полемически выраженная мысль, что еще допетровская Русь имела свою культуру и стремилась к просвещению[18]. «Сколько нового для того времени было в этих страницах, ныне понизившихся до общих мест, видно из того, что речь подала повод к литературной мистификации», — так комментирует «Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета»[19] историю с двумя переводами речи Баузе без указания имени автора. Прошло десять лет после публикации речи на латыни, и в «Вестнике Европы» М. Т. Каченовского появилось ее подробное переложение на русский язык под названием «Что сделано в России для просвещения народа и для славы отечества от времен Рюрика до Петра Великого?»[20]. На плагиат Каченовского указал журналист Фридрих-Енох (Федор Андреевич) Шредер, который за год до публикации в «Вестнике Европы» напечатал под своим именем немецкий перевод речи Баузе «Was thaten die Regenten Russlands für die Kultur und Aufklärung ihrer Nation, bis auf Peter den Grossen?» в журнале «St. Petersburgische Monatsschrift zur Unterhaltung und Belehrung»[21]. Оправдываясь, Каченовский указал на плагиат самого Шредера и назвал подлинное имя автора. Отметим, что в русском переводе под именем автора — Теодора Баузе — эта наделавшая столько шума речь так никогда и не была опубликована.

Автограф И. И. Шувалова не датирован. Рискну сделать некоторые предположения о времени и поводе для передачи книги. Начальной временной границей является 30 июня 1796 г. — день произнесения речей. Конечной — день смерти И. И. Шувалова 15 ноября 1797 г. Ее можно передвинуть до 5 апреля 1797 г., когда А. И. Васильеву был пожалован титул барона. Два события в пределах этого отрезка времени могли привлечь внимание И. И. Шувалова

[17] Каталог см.: *Каразин В.* Каталог славяно-российским рукописям (погибшим в 1812 году) профессора Баузе // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских... М., 1862. Кн. 2. Разд. 5. С. 45–79.

[18] «...Речь Баузе останется навсегда достойною уважения, как первый опыт научного взгляда на историю Русского просвещения... В призвании Рюрика Баузе видит уже желание племен просветиться; Владимира он называет litterarum artiumque studiosus... Через татар [полагает Баузе] получили мы многие новые орудия, одежды, травы, узнали Китай, Бухарию... Весьма замечательно мнение Баузе об Иоанне IV Васильевиче. Он указал на односторонние упреки иностранцев и соотечественников, постигшие память этого государя...» (Биографический словарь профессоров... Ч. 1. С. 84–85).

[19] Биографический словарь профессоров... Ч. 1. С. 84.

[20] Отметим, что все доступные нам ссылки на русское переложение речи Т. Баузе в «Вестнике Европы» оказались неточны. В действительности оно было опубликовано в этом журнале в 1806 г., № 1 (с. 3–20) и № 2 (с. 81–96).

[21] St. Petersburgische Monatsschrift zur Unterhaltung und Belehrung. 1805. Monat Januar. S. 3–35.

к персоне А. И. Васильева: 20 октября 1796 г. А. И. Васильев был избран в почетные члены Академии наук (И. И. Шувалов был им с 1776 г.)[22]; а 4 декабря 1796 г. он был назначен государственным казначеем (с сохранением поста начальника Медицинской коллегии)[23], т.е. стал главным распорядителем финансов в России. Как бы там ни было, подаренный конволют говорит и об уважении И. И. Шувалова к заслугам А. И. Васильева в области организации медицинской науки, и о его желании привлечь внимание видного чиновника к университету. Автограф является ярким штрихом, а возможно, и единственным свидетельством взаимоотношений двух государственных деятелей, поводом для которого послужила книжка, изданная в типографии Московского университета.

Несколько слов о происхождении книги в фонде библиотеки Института истории. Оно не совсем ясно. Конволют входит в собрание русских книг XVIII — начала XIX в., восходящее к коллекции Н. П. Лихачева. На этих книгах нередко встречаются библиофильские пометы самого Н. П. Лихачева и почти всегда — штампы Института книги, документа и письма, образованного на материалах лихачевского Музея палеографии. На этом экземпляре нет ни таких штампов или помет, ни каких-либо иных владельческих или книготорговых отметок. Старый бумажный ярлык на обложке оборван. Книга, кроме современных штампов и шифров, помечена лишь шифром и ярлыком инвентаризации 30-х гг. XX в. Оформление экземпляра — сохранение издательской бумажной обложки, отсутствие переплета и знаков принадлежности к частному собранию — говорит о том, что он вряд ли хранился в библиотеке министра. Хотя биографом отмечено, что свободное время директор Медицинской коллегии посвящал чтению[24], о его личной библиотеке не удалось найти сведений. Однако осталось немало свидетельств того, что предметом забот А. И. Васильева была медицинская библиотека. Довольно скромное книжное собрание Медицинской коллегии при нем существенно выросло и в 1796 г. было передано «для пользы учащих и учащихся» в библиотеку С.-Петербургского врачебного училища[25]. В 1798 г., когда в Петербург прибыла из Варшавы библиотека Залусских, по инициативе А. И. Васильева из нее было отобрано несколько тысяч медицинских книг, составивших впоследствии наиболее ценную часть библиотеки Медико-хирургической академии[26]. Предположим, что наш конволют был определен директором Медицинской коллегии в медицинскую библиотеку, но именно в период значительного роста книжного собрания и перемещений его из-за реорганизации учреждений книга могла затеряться.

[22] См.: *Модзалевский Б.Л.* Список членов императорской Академии наук. 1725–1907. СПб., 1908.

[23] См.: *Шилов Д.Н.* Указ. соч. С. 128.

[24] См.: *Политковский Н.Р.* Указ. соч. С. 160.

[25] Там же. С. 156; *Свиньин П.* Указ. соч. № 18. С. 74; № 20. С. 373.

[26] Там же. С. 373–374; *Чистович Я.* История первых медицинских школ в России. СПб., 1883. С. 423.

На сегодняшний день в доступном для читателей генеральном каталоге Библиотеки Военно-медицинской академии речи Ф. Г. Политковского и Т. Баузе не числятся; каталог редкой книги недоступен вследствие перемещения библиотеки в другое здание[27].

References

Bause Th. Oratio de Russia ante hoc saeculum non prorsus inculta, nec parum adeo de litteris earumque studiis merita... M., [1796].

Biograficheskij slovar' professorov i prepodavatelej imp. Moskovskogo Universiteta za istekajushhee stoletie... M., 1855. Ch. 1–2.

Chistovich Ja. Istorija pervyh medicinskih shkol v Rossii. SPb., 1883.

Dolgorukov I. M. Kapishhe moego serdca... M., 1997.

Dolgorukov I. M. Povest' o rozhdenii mojom... SPb., 2004. T. 1.

Karazin V. Katalog slavjano-rossijskim rukopisjam (pogibshim v 1812 godu) professora Bause // Chtenija v imp. Obshhestve istorii i drevnostej rossijskih... M., 1862. Kn. 2. Razd. 5.

Mel'nikova N. N. Izdanija, napechatannye v tipografii Moskovskogo universiteta. XVIII vek. M., 1966.

Mirskij M. B. Medicina v Rossii XVI–XIX vekov. M., 1996.

Modzalevskij B. L. Spisok chlenov imperatorskoj Akademii nauk. 1725–1907. SPb., 1908.

Panchenko E. Z. «Znak glubochajshego pochtenija i serdechnoj predannosti...» (avtografy na knigah XVIII — pervoj poloviny XIX veka iz biblioteki S.-Peterburgskogo instituta istorii) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2010. T. 101.

Petrov N. Rech pri pogrebenii... Fjodora Gerasimovicha Politkovskogo. M., 1814.

Politkovskij F. G. Slovo o svjazi istorii natural'noj s fizikoju, himieju i vrachebnym iskusstvom... M., [1796].

Politkovskij N. R. Biografija [grafa A. I. Vasil'eva] // Syn otechestva. 1827. Ch. 115.

Rechi, proiznesjonnye v torzhestvennyh sobranijah imp. Moskovskogo universiteta russkimi professorami onogo... M., 1820. T. 2.

Russkij biograficheskij slovar'. SPb., 1900. T. 2.

Selivanov V. I. Vasil'ev Aleksej Ivanovich // Tri veka Sankt-Peterburga: äncikl. v 3 t. T. 1: Os'mnadcatoe stoletie, kn. 1. SPb., 2001.

Shepeljov L. Tituly, mundiry i ordena Rossijskoj imperii. M., 2004.

Shilov D. N. Gosudarstvennye dejateli Rossijskoj imperii: Glavy vysshih i cental'nyh uchrezhdenij. 1802–1917: bibliogr. sprav. 2-e izd. СПб., 2002.

St. Petersburgische Monatsschrift zur Unterhaltung und Belehrung. 1805. Monat Januar.

Svin'in P. Istorija Imperatorskoj Mediko-Hirurgicheskoj Akademii // Otechestvennye zapiski. 1821. Ch. 8. № 18, 20.

[27] Краткое содержание данной статьи опубл.: *Панченко Е. З.* Конволют изданий Московского университета с автографом И. И. Шувалова // Книжная культура: опыт прошлого и проблемы современности: к 250-летию вуз. книгоизд. в России: материалы междунар. науч. конф. М., 2006. С. 212–214. Автограф опубл.: *Панченко Е. З.* «Знак глубочайшего почтения и сердечной преданности...» (Автографы на книгах XVIII — первой половины XIX из библиотеки С.-Петербургского института истории) // Новое литературное обозрение. 2010. Т. 101. С. 471 (№ 104).

Svodnyj katalog knig na inostrannyh jazykah, izdannyh v Rossii v XVIII veke. 1701–1800. L., 1984. T. 1.

Svodnyj katalog russkoj knigi grazhdanskoj pechati XVIII veka. 1725–1800. M., 1964. T. 2.

Vejmar F.I. Graf Aleksej Ivanovich Vasil'ev // Panteon znamenityh sovremennikov poslednego stoletija... 2-e izd. SPb., 1843.

Vestnik Evropy. 1806. № 1, 2.